

УДК 141

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Владимир И. Красиков^{1, @, *}

¹ *Всероссийский государственный университет юстиции, Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1*
[@] KrasVladIv@gmail.com

*Поступила в редакцию 12.12.2016.
Принята к печати 28.03.2017.*

Ключевые слова: славянофильство, консервативные революционеры, православные имманентисты, экзистенциалисты традиции, историософия, российский менталитет, археомодерн, археоавангард, синергичная антропология, экзистенциальная культурология.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения гранта РГНФ, проект № 15-03-00087.*

Для цитирования: Красиков В. И. Философские воззрения современных славянофилов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 71 – 81. DOI: 10.21603/2542-1840-2017-2-71-81.

Как мы помним, судьбоносным для появления отечественной философии нового извода (кантианско-гегелевского) стало размежевание на "славянофилов" и "западников" в 1836 – 1842 гг. Они сформировали свое групповое самосознание, обзавелись исторической генеалогией и символами группового единства, обеспечили преемственность и линии противостояния вплоть до наших дней. Это противостояние стало форматным для последующей истории, определив его сквозные темы: национальная самоидентичность и космополитизм, своеобразие культурных троп в истории и единство человеческого рода, аутентичная религиозность – для отдельного человека и народа. Менялись режимы и их идеологии, однако в каждом из них проступали в соответствующих мировоззренческих облачениях эти сложившиеся полтора столетия назад ментальные схемы.

Западнически ориентированные философы всегда были более или менее успешными импортерами и брокерами идей, учений и методов, как правило рациональных, родившихся в европейских и североамериканской культурах. И, увы, ничего сопоставимого по оригинальности и масштабу – тому, чем они ментально были захвачены – они создать не сумели: последователи никогда

Аннотация: Объект исследования данной статьи – российское философское сообщество. Здесь существуют некоторые мыслители и группы, которые объявляют своей идентификационной отличностью ориентацию на родную культуру и особенности отечественного менталитета.

В качестве предмета исследования автор статьи полагает историю появления этих мыслителей и групп в постсоветской России, их формирующиеся институты и историю отношений с другими интеллектуальными группами.

Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как исторические корни этих новых складывающихся традиций, их представленность в академическо-образовательных институтах и особенности теоретических платформ их лидеров.

Методология исследования базируется на подходе, согласно которому сетевая структура отношений между интеллектуалами определяет общезначимое пространство интеллектуального внимания, которое структурируется на несколько конкурирующих позиций. Основными результатами проведенного исследования можно считать следующие.

Во-первых, автор представил описание истории и теоретических особенностей трех интеллектуальных направлений: консервативных революционеров, православных имманентистов и экзистенциалистов традиции. Во-вторых, автор дал характеристику стилевых особенностей самовыражения, историко-философских корней и историософских концепций основных представителей традиционалистов. Наконец, статья обсуждает особенности перипетий их коммуникации с другими участниками российского интеллектуального сообщества.

не будут самобытными единицами в мировой культуре и философии.

Ими могут быть лишь те, кто способны выразить специфические мироощущения и смыслы существования, рождающиеся у людей данной культуры, обитающих на данной "почве". Пусть и выражения эти – особенно у молодых культур – метафоричны, мифологичны и националистично-эгоистичны. Им не всегда хватает зрелой рационалистичности, логической адекватности и выдержанной рефлексивности, которые всегда коррелируют с "культурным возрастом" этноса. Зато они способны к созданию ярких, необычных концепций, которым нет аналогов на философских нивах западной мысли. Может быть, отношение западных "старших братьев" по философии к ним и "этнографическое" – как к поросли скорее конкретного духа жизни и культуры, нежели рационалистического разума, но и явно заинтересованное, уважительное, временами восторженное – как к уникам и экзотам в явлении общечеловеческого.

Это экзистенциально-этические идеи литературных основателей отечественной философии: концепция Ф. М. Достоевского об иррациональной своевольности и рефлексивном мазохизме как доминантах человеческой

природы, непротивление злу насилием Л. Н. Толстого. Равно как и собственно философские учения: о "богочеловечестве" и "Софии" В. С. Соловьева, "всеобщего воскресения" Н. Ф. Федорова, "иррациональной субстанциальности свободы" Н. А. Бердяева, мистический пансексуализм В. В. Розанова. Конечно, это было скорее плодами гения философского воображения, нежели рационалистического разума, явления на стыке философии и литературы. В них главенствуют специфические универсалии – концептуальные метафоры, спокойная доказательность заменяется профетической суггестивностью, философские отстраненность и рассудочность – отчаянной эмоциональностью и всепроникающей эмпатией. Однако и Запад может привести свои подобные примеры: Б. Паскаль, М. Эххарт, Я. Беме, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Ж. Деррида и иже с ними, – которые были вовсе не обделены славой и достойным местом в пантоне мысли.

Сейчас часто можно слышать стенания по поводу краха современной русской философии "как таковой" или же, по крайней мере, ее системного кризиса, выражающегося: в отсутствии общего поля интеллектуального внимания, "рассыпании" сообщества на мелкие группки, взаимно игнорирующие друг друга, в обвальном девальвации значительности философии в глазах обывателей, в падении институционального статуса и интеллектуально-суицидальных позовах в мироощущениях самих философов. Все это, конечно же, имеет место быть. Но нельзя не видеть и других, обнадеживающих моментов в современной жизни российского духа, которые говорят о том, что "пациент скорее жив" и его ждет некое волнующее будущее. Анализ подобных моментов и составит содержание этой работы.

Появились новые прецеденты самобытного отечественного мышления, наследующие и воспроизводящие его "славянофильские", "почвеннические" традиции. Это идеи и концепции, рожденные людьми, озабоченными в первую очередь пониманием, выражением, защитой и прославлением контекста своего проживания (культуры, этноса, религии), который оказывается и безмерно важным для самочувствия соотечественников и в конечном счете единственно величественно необходимым в раскладе понимания всего сущего. Таким образом, речь пойдет о творческих субъектах (группах, персоналиях), которые разрабатывают свои оригинальные взгляды, и мы не будем рассматривать специалистов в области истории русской философии, озабоченных исследованиями уже произошедшего.

Мы увидим, что видные позиции в поле интеллектуального внимания современного отечественного философского сообщества занимают группы и отдельные мыслители, у которых есть сходные черты, позволяющие объединить их в общую категорию, своего рода интеллектуальную фракцию, обозначив ее как "контекстуалистов". Если акцентировать внимание на их политических взглядах, то перед нами предстанет "державно-лоялистская позиция (с примыкающими к ней православной, «патриотической», националистической, имперской и ностальгически-советской): главным источником философских суждений" которой являются "традиционные ценности величия России, православия, могучего государства, сильной власти в противопостав-

ление западным «ложным» ценностям" [1, с. 103]. Так же как "неомарксисты", "эпистемологи" и "философы языка и мышления" (отечественные постмодернисты, герменевты и феноменологи), они имеют свою качественную фактурность, которая довлеет над имеющимися различиями.

Современные "контекстуалисты" воспроизводят, разумеется в нынешнем мировоззренческо-категориальном исполнении, "родовые черты" славянофильско-почвеннической традиции:

- критическое отношение к рационализму западной культуры, нигилизм по отношению к их российским аналогам, алармизм относительно катастрофичности современности в ее профанации и симуляризации;
- экзистенциально-художественное философствование, интенсивное мифотворчество, традиционалистский пафос и широкое использование красочных метафор;
- спекулятивные построения универсальных схем и уникальных идентичностей;
- непременные рецепты освобождения, исцеления и славного возрождения.

Они не связаны в той степени, как, к примеру, "неомарксисты", "эпистемологи", "философы мышления и языка" требованиями когерентности, им не нужно строго вписываться в предшествующую рационально-систематическую традицию основных направлений западноевропейской или же англо-американской философии. Как и их предшественники, русские религиозные философы, они – спекулятивные метафизики, т. е. сами себе полагают основания и вполне комфортно в них себя чувствуют. Такая безотчетность позволяет им создавать красивые глобальные конструкции, отчасти опирающиеся на действительные реалии. Нечего говорить и о том, что масс-медиа также любят интересных, фактурных философов.

Построения на самом деле красивы. И названия также громоздки: "археомодерн" (А. Дугин), "прикладная метафизика" (А. Секацкий), "археовангард" (Ф. Гиленок), "синергичная антропология" (С. Хоружий), "философия отчего края" (В. Варава), "экзистенциальная культурология" (Г. Гачев), "философия православной цивилизации" (А. Панарин) и т. п. Построения эти обладают прелестным свойством неопровержимости, потому что для спора нужно хотя бы отчасти принять послышки оппонентов, иметь общую почву для споров.

В знаменательном столкновении "путейцев" и "лого-совцев" начала прошлого века какая-никакая дискуссия стала возможной благодаря общепонятной и общепринятой платформе немецкой классической философии, еще актуальной в те времена. Такая платформа сейчас отсутствует. Остальные философские группы не воспринимают "контекстуалистов" как равных себе, т. к. подходят к ним по критериям рационального мышления, полагая их по умолчанию вне "серьезного дискурса" и общего поля интеллектуального внимания. Трудность также в том, что философы-контекстуалисты имеют разные историко-философские корни, разное отношение к отечественной религиозной традиции и разные стили изложения своих идей. Однако есть в этой "цветущей сложности" общность – самоутверждение отечественной ментальной самобытности. Рассмотрим его наиболее яркие и оригинальные варианты.

В многообразии персоналий этой части отечественного мировоззренческого спектра отчетливо выделяются три позиции – по критерию ориентации на те или иные историко-философские ресурсы, которые являются для них и объяснительным идеалом, и арсеналом методологических средств.

Для первой из них (в нашем изложении) таковым идеалом и арсеналом, который они все же подвергают некоторой доместикации, являются постмодернизм и западный традиционализм. Критически-радикальный характер этих теоретических ресурсов обуславливает и соответствующий настрой их российских реципиентов: консервативный революционизм.

Для другой позиции характерна ориентация на святоотеческое наследие, византийскую, российскую православную традицию, или же на идеи русской религиозной философии начала XX века. Догматически-традиционалистские параметры данных мировоззренческих источников определяют некий сусальный, сентиментальный, анахроничный характер их построений, хотя и здесь имеются знаменательные исключения.

И наконец, третьи ориентированы на экзистенциалистскую (феноменологическую) традицию, стремясь использовать средства ее эмоциональных концептуализаций и метафоризаций для выражения более широкого, нежели рациональный, спектра отечественного мироощущения.

Среди мыслителей и групп, относящихся к первой позиции, вероятно, наиболее заметна группа, которая объединена вокруг А. Дугина (1962 г. р.), чье идейное происхождение уходит корнями в легендарно-романтическое диссидентское время 60-х – 70-х гг. прошлого века. Группа интеллектуалов, куда входили Ю. Мамлеев, Г. Джемаль, Е. Головин и позднее А. Дугин (Южинский кружок, он же "мамлеевский кружок" или "кружок Головина") [2], изучала, обсуждала и развивала идеи Р. Генона и Ю. Эволя, с которыми познакомились благодаря текстам, по некомпетентности советской цензуры, находившимся практически в свободном доступе в Библиотеке иностранной литературы и Библиотеке им. Ленина.

Его дальнейшая биография насыщена политическим участием в перипетиях новейшей российской истории, что не мешало ему, однако, проявить феерическую работоспособность, выраженную в десятках книг и сотнях статей, защите ученых степеней. Он проявил и недюжинные организаторские способности, создав институцию под свой проект – Центр консервативных исследований при социологическом факультете МГУ, имеет известных учеников. Конечно, многое в его теоретических построениях можно отнести к политологии, социологии, культурологии или же к глобалистике. Вместе с тем он является автором довольно любопытной схемы ментального развития человечества в ее применении к России, имеющей прямое отношение к истории философии и к контекстуалистской традиции.

Она представлена в его "тотальном метафизическом резюме" – монографии 2011 г. "Археомодерн" [3].

Основные понятия и стиль изложения – довольно далеки от канонов, принятых в современном отечественном философском сообществе, по крайней мере основных его групп. Вероятно, они коррелируют с традиционалистским дискурсом учителей автора. Стиль

близок к схоластическому мышлению: аксиоматический ввод некоторых абстракций, объясняющих все и вся, которые затем антропоморфизируются, персонализируются и "живут" здесь – в мышлении и текстах А. Дугина – самостоятельной жизнью: борются друг с другом, входят в причудливые комбинации и определяют жизнь людей. Так же как в средневековом мышлении "красота", "грех", "добродетель" или "пороки" приобретали очертания каких-то самостоятельных отдельных онтологических сущностей.

Соответственно, у А. Дугина, его "керигмы", "структуры", "премодерн", "модерн" и "постмодерн" – не метафоры, не орудия понимания, категории. Они действуют как какие-то субстанциальные начала в истории: керигма "борется" со структурой, "уничтожает" ее, "существует" с ней, последнюю можно "раскопать" или "лечить". Они имеют метафорически-чувственные признаки, так структура может быть "очень развитой и мощной («мясистой», «мордатой»)». "Археомодерн пытается структуру", которая "подвешена в подвале на дыбу и над ней неустанно трудится палач отчужденной и криво инсталлированной рациональности", при этом "структура пытается орать" и т. п. [3].

Однако, если совершить небольшое насилие над собой и принять исходные аксиомы автора, то вырисовывается следующая картина.

История людей коррелирована с историей их мышления, имеющей следующие основные фазы: традиционное общество (премодерн), модерн и постмодерн. Различие между ними определено разностью во внутреннем соотношении в мышлении бессознательного (иррефлексивного) и рационального (рефлексивного) начал или "структуры" и "керигмы" – по терминологии А. Дугина. Непосредственно "чистая линия" развития реализована лишь на Западе, там появился рационалистически мыслящий и волевой субъект или образцовая "керигма", которая существенно ограничивает иррефлексивное, мифологическое начало. Подчинение "структуры" завершается в постмодерне.

Главная мировая проблема в том, что остальное человечество, кроме Запада, пребывает в ужасном состоянии "подвешенности" между архаикой и модерном. Все это происходит из-за того, что процессы модернизации идут здесь не самобытным путем, а через их насаждение – со стороны того же Запада и западнически ориентированных местных элит, порождая химеру "археомодерна", ужасную социальную болезнь глубокой внутренней несогласованности между не своей рациональностью (всестернизированной) и своей, сопротивляющейся, подавляемой бессознательностью.

"В условиях археомодерна сегодня живет подавляющее большинство человечества", – заявляет А. Дугин, – "это страны Третьего мира, Востока (даже индустриального развитого) и Россия. Европа находится в переходном состоянии от «высокого модерна» к постмодерну. В США постмодерн уже преобладает" [3].

Так и в России – "нет европейского сознания (субъекта рационального), его имитация – дурная, неадекватная керигма и сильное бессознательное начало, сновидения, они находимы в состоянии конфликта, в итоге непрерывный бред, дойное сознание" [3].

В сущности, настоящей модернизации в России (как и в большинстве других стран) так и не произошло. Дабы не сгинуть, необходимо предпринимать срочные действия. А. Дугин ясно идентифицирует свою позицию – в контексте полуторавековского спора западников и славянофилов однозначно становясь на сторону последних, ведь западники всегда стремились "ввести" рациональность и извести (купировать) "структуру" (национальное бессознательное), тогда как славянофилы пытались ее "лечить", отказавшись от западноевропейской "керигмы".

Конечно, западная "керигма" (рациональность с рефлексивностью) была хороша, в свое время – в модерне. Однако постмодерн показал и ее глубокий изъян – она здесь гиперрационализируется и стремится вообще уничтожить коллективное бессознательное этноса, что приведет лишь к культурно-национальному коллапсу. Потому и не нужна большинству населения Земли подобная, вырождающаяся к самоуничтожению, рациональность (западная керигма).

И вот тут-то назревает "Настоящая Консервативная Революция", "Великое Делание" – "это дело субъекта, это сознательный и волевой выбор, обдуманное и неинерциальное обращение к структуре как к ценности". "Это путь славянофилов и евразийцев" [3].

После появления подобных слов с большой буквы начинаются уже совсем боевая риторика и революционный пафос: о консервативно-революционном субъекте (соратники А. Дугина), который вырастет в ходе подлинной (национальной) модернизации (новом политическом действии). Он же будет, в свою очередь, выпестовать уже нового настоящего русского субъекта (умных рефлексивных русских) или аутентичную "керигму" – прямо из глубин русской "хтони" (коллективного бессознательного). "Русская керигма" будет "совершенно особым эсхатологическим явлением".

Показываются основные участники наличного российского расклада, с которыми предполагается действовать по-разному, согласно трем стратегиям:

– политико-философское юродство – "когда мы имеем дело с русским (евразийским) кадром" (основная масса населения и его современные властители) – "ему надо говорить все очень глупое и очень весомое", тем самым мы всячески должны укреплять "чистое архаическое начало в археомодерне" [3];

– выращивание умных русских, "консервативных революционеров", для этого "жизненно необходимо провести операцию по "фундаментальной модернизации собственного сознания" – "самомодернизацию и модернизацию себе подобных" [3];

– интеллектуальное развенчание прозападных "модернистов" и "нелибералов", самых опасных врагов, для этого "мы, консервативные революционеры, вполне можем освоить постмодерн и на этом языке говорить с модернистами, чтобы они заткнулись навсегда" [3].

Последнее положение А. Дугина выражает довольно интересное обстоятельство. Кроме вполне ожидаемого: критики западного рационализма и его российских адептов, апелляции к бессознательной стороне этнокультурной жизни, мифологизации и эсхатологизации, – наблюдается стремление приватизировать и использовать действенные рефлексивные средства "противника". В истории мысли уже неоднократно бывало так, что по-

терпевшие фиаско силы переосмысливают свое поражение, усваивают и применяют методологические средства победителя, устраивая успешный реванш. Так в свое время поступил и Дж. Беркли, освоив локковский эмпиризм, доведя его до логического конца – "солипсизма" – и предъявив новую систему опровержения материализма, опытной науки и по сути неопровержимую картину "мира как представления Бога".

Впрочем не обязательно заемно использовать модную ментальную технологию для поддержания тонуса современности. Некоторые "вчерашние постмодернисты, недолго раздумывая, занялись поисками универсальности нового типа" [4]. И стали "петербургскими фундаменталистами". Знаменательно, что в середине девяностых они пересеклись в Петербурге – практически одновременно появились два манифеста: "новых магов" (А. Дугин и С. Курехин) и трактат А. Секацкого "Моги и их могущества" – "две внутренне солидарные версии преобразования" [5].

"Группа «Петербургские фундаменталисты» возникла в конце 1990-х гг. как сообщество писателей, однако ее деятельность с самого начала вышла за чисто литературные рамки. Основатели группировки – П. Крусанов, А. Секацкий, С. Носов, В. Рекшан, Н. Подольский, С. Коровин" [6, с. 49]. Это довольно шумная в медийном отношении группа, объявляющая себя "рыцарями бескорыстия, легионерами Незримой империи, носителями коллективной беззаветной Санкции Объединенного Петербургского Могущества" и т. п. Группа активно использует политический стёб (к примеру, предлагая объявить захват Царьграда и Босфора в качестве "трансцендентной национальной мечты"), конвертируя эпатаж в символический капитал известности, а значит и рыночной эффективности – тем более, что писателям без этого ну никак нельзя. Однако, их главный идеолог – профессиональный философ, которому и принадлежат основные идеи и мифологемы данной группы.

Первородство постмодернизма во влиянии на стиль мышления и литературно-философскую продукцию А. К. Секацкого (1958 г. р.) бесспорно, что нашло свое выражение и во фрагментарном "потоке сознания", и в речитативе флагманских постмодернистских терминов – главных стилевых признаках его текстов. Конечно, это затрудняет восприятие, временами просто раздражает, но наличествуют также порой и интересные мысли. Тематика его статей в основном стандартизованно повторяет уже сделанное классиками постмодернизма: "метафизика лжи, проблема исторического времени, философская шпионология, философия соблазна, история чувственности".

Может именно подобная исходная постмодернистская фрагментированность, "клиповое мышление", мельтешение мелких тем и сформировали тот позыв к трансцендентному, метафизическому, большому и величественному – традиционной универсальности, которая стала остоном "петербургских фундаменталистов" и "синей птицей" их философа?

Теоретическая схема, вернее мифологема, "фундаменталистов" базируется на метафоре "трансцендентного". Не понятия, а именно метафоре – это не классический философский термин, обозначающий сверхчувственную, умопостигаемую, идеальную ино-дейст-

вительность, принципиально контрарную существующей, а некий идеал превозможания "только-действительности", высшая цель-вызов, мобилизующая как отдельного человека, так и большие массы на трансцендирующие, прорывные усилия, только и создающие высшие свершения, к которым относится и феномен "империи". Так, у них это "зов Последнего моря, звучавший в ушах нукеров Чингисхана, освобождение Гроба Господня, захват Босфора с Дарданеллами или хотя бы идея Мировой революции" [7].

Собственно, эта идея трансцендентного и сформировала все великие свершения человеческой истории, ее забвение, профанация и утрата – метафизическая причина вырождения современного общества, его падения в "гламурную цивилизацию". Но обо всем по порядку. А. Секацкий предлагает следующую схематизацию всемирно-исторического процесса а la упрощенный Ф. Ницше.

В истории мы можем видеть сквозную перманентную борьбу двух сословий: воинского братства и специалистов по слову, потом, правда, появляются скоморохи и паяцы, торговцы. Сперва, когда людей было мало, всем управлял миф и его хранители – жрецы, специалисты по вещему слову. Когда темп общественной жизни убыстрился, а число людей увеличилось, миф утрачивает свои управленческие функции. Вещее слово десакрализовалось и стало дискурсом. Воинское сословие освободилось от духовного влияния жрецов, кшатрии победили брахманов, а специалисты по словам стали поэтами и трубадурами в услужении победителям.

Реванш специалистов по словам, которые стали "пишущей братией", произошел исподволь – через субъективизацию их текстов, когда вместо восхваления господ поэты стали живописать свой внутренний мир – при всем том суггестивное воздействие их произведений еще более усилилось. И все Новое время мы видим определяющее влияние специалистов по слову – будь то идеологов, политиков, философов или ученых.

Однако, установление демократии, визуальных технологий приводит к тому, что специалисты слова (в России – интеллигенция, "сейчас – арт-пролетариат") теряют свою власть – в условиях падения иерархии как естественной среды культуры, фрагментации субъекта и девальвации трансцендентных смыслов. Власть переходит к скоморохам и шутам, "звездам" поп-культуры и телевидения. "Власть зрелища, власть шоу, власть скоморохов основана на последней специфической мистификации. Они должны работать очень быстро, чтобы их внушение не развеялось. Шоу со все ускоряющимися движениями и представляет ту форму наваждения, которой в конце концов мир вынужденным образом подчинится" [8]. И лишь сохраняющееся еще стремление к трансцендентному способно решительно повернуть дело вспять.

Бессмысленно, вероятно, искать здесь какое-то относительно внятное, логически непротиворечивое объяснение, тем более "путь спасения". Собственно говоря, это скорее порыв к трансценденции, к восстановлению простоты и цельности жизни в возвышенных смыслах, который превращается в упражнения в велеречии, патетике и загадочные многозначительные умалчивания.

Другого "консервативного революционера" и "империалиста" [9] называют "лидером русского философско-

го постмодернизма – археоавангарда, для которого свойственен интерес к архаике, быту, дословному, повседневности, почве".

Так и тексты Ф. Гиренка (1948 г. р.) можно условно разделить на так сказать "чисто" постмодернистскую составляющую и ту, которой и свойственен этот самый "интерес к архаике" или "неославянофильскую", традиционалистскую, приправленную, правда, тем же "постмодернистским соусом". Первая часть – на любителя-постмодерниста, парадоксального эссеиста – натуженного и напыщенного. Право, гораздо интереснее читать постмодернистскую классику, нежели уже наши ее симулякры.

Но вот когда речь идет о размышлениях, ментальных контактах с отечественной традицией, тогда у Ф. Гиренка появляются вполне интересные идеи. Впрочем часто дело затемняет стиль "лозунгового изложения". Тексты представляют собой поток утверждений, в котором короткие предложения как гвозди вбиваются в голову читающего и построены либо как безапелляционные суждения (вот так-то и не иначе), либо в виде призывов к действию в повелительном наклонении: лейтмотивны слова – "нужно", "должно", "не должно" и т. п. "Это дискурс учителя и проповедника, через который идет непрерывная трансляция истины" [10].

Основные традиционалистские темы его рассуждений: особенности русского дискурса, славянофильское наследие, имперская идея, возможности смыкания архаики и современности.

Русский дискурс в философии, утверждает Ф. Гиренок, создавался на основе православия, в котором истина связана не со словом, а с образом. И рождает он "альтернативную логику мышления русской религиозной философии", в которой мир иконичен – вещи показывают себя такими, какими они есть, ибо их видят не глазами, а умом, через интуицию. Он не рефлексивен, но метафизичен и постоянно выходит за пределы сущего. "Но выходит он за эти пределы не в ужасе, в котором человеку, согласно Хайдеггеру, являет себя ничто, а в страхе, в котором человеку являет себя Бог" [11].

Как и всякий приверженец традиции, Ф. Гиренок высоко ценит своих предшественников, славянофилов, которые и "замкнули наше сознание на самое себя, создав экран отражения мысли", создав "философию в пространстве русской мысли" [12]. Много и с пиететом говорит о непроясненных и не оцененных смыслах идей Леонтьева, Данилевского, Самарина и мн. др. [13].

Любопытно его обоснование имманентности имперской идеи русскому человеку. Русские никогда не были нацией, говорит Ф. Гиренок, они всегда были и будут скорее "идеями", идеями империи, потому всегда и решали наднациональные задачи. Другая "причина имперскости нашего существования – это наше безволие. У русских нет воли к власти. Для того чтобы у русских появилась воля к власти, к земному, нужно чтобы мы стали автономными индивидами. Чтобы мы перестали служить, научившись вращаться вокруг своего Я. Чтобы создать такое вращение, нужно когда-то убить Бога. А также нам нужно еще и отказаться от души. Ведь пока у нас есть душа, а не сознание, мы все время будем делать не то, что нам выгодно, а то, что нам хочется. И в нас будет жить Бог, ибо он живет этим нашим хотением" [14].

Философия у нас будет тогда, когда мы очень захотим, чтобы она была. И Федор Иванович предлагает свой вариант, сходный с дугинским – "археоавангард", соединение традиции и модерна. Смыслы прошлого распаковываются авангардными стратегиями философствования, т. е. традиционалистские сюжеты и идеи нужно пересказать авангардными терминами: "от безумия человека спасает заумь. От бесчувствия – задушевность, сердечность. В поисках сердечности зауми, по мнению Гиренка, смысл философии археоавангарда" [15].

Философы-контекстуалисты, не разделяющие традиционалистский настрой так сказать прозападного происхождения и постмодернистские "улучшения", самоидентифицируют себя по-разному: "русские философы", "православные философы", "православные националисты", "пост-славянофилы" и т. п. Диапазон их предпочтений в отношении выбора того, что они полагают за "национально-православную аутентичность" довольно обширен: одни настаивают, что это – святоотеческое наследие; другие – религиозно-этические идеалы до раскола; третьи – религиозно-православные философские традиции в духовных академиях XIX в.; четвертые – православный модернизм, идущий от В. С. Соловьева под брендом "русская религиозная философия" начала XX в. и др.

Для многих из них характерен так сказать "православный имманентизм", убежденность в глубинности связи всего строя отечественного мышления с православной, как правило нерассуждающей, истовой верой. Другая, бросающаяся в глаза особенность их рассуждений и направленности мыслей – какая-то постоянная умиленность – самими собой и своей любовью к своей особости.

В основном это одиночки, хотя есть и небольшие группы. Так, в Санкт-Петербурге, помимо историко-методологического семинара "Русская мысль" в РХГА под руководством профессора А. А. Ермичева, который не входит в сферу нашего анализа по признаку своей "предметности" (изучение отечественной мысли, история русской философии, а не продуцирование собственных учений), с 1991 г. существовало "Русское Философское Общество", выпустившее с 1994 по 2008 – 7 номеров журнала "Русское самосознание" [16]. По сути их содержание составили труды председателя Общества – Н. П. Ильина (псевдоним – Н. Мальчевский), его заместителя – Б. Г. Дверницкого (псевдоним – Б. Андрианов) и их ответственных секретарей М. А. Желамкова и А. К. Цыцулина. После ссоры председателя и его заместителя в отношении понимания того, что же такое русская философия, их пути разошлись.

Для произведений Б. Г. Дверницкого (1935 г. р.) характерны историософские, довольно эклектичные построения о "русском человеке", "русской нации" – в контексте человечества и природы. История носит "Богочеловеческий характер", которая есть не что иное, как развертывание четырех Логосов (человека, нации, человечества, природы), влагаемых Богом при творении в сущее [17].

Основной настрой творчества доктора физико-математических наук, деятеля еще советского самиздата, Н. П. Ильина (1947 г. р.) – развитие русской национальной философии как продолжение традиций настоя-

щих классиков русской философии: П. Е. Астафьева, П. А. Бакунина, Н. Г. Дебольского, Л. М. Лопатина, В. И. Несмелова, В. А. Снегирева, Н. Н. Страхова. В отличие от "лжефилософа В. С. Соловьева" и его последователей, Н. П. Ильин выпадает из традиционалистского мейнстрима тем, что выступает против базового положения о нашем врожденном коллективизме (соборности), настаивая на "глубинном (и потому очень часто безотчетном) русском индивидуализме". Лишь признав это, мы сможем сплотить свои индивидуальные силы и таланты, осуществить реальное русское национальное единение [18; 19].

Один из "ярких представителей постсоветского славянофильства" (характеристика А. А. Ермичева) – доктор философских наук А. Л. Казин (1945 г. р.). Его концепция, по сути, представляет собой обновление (upgrade) – современным категориальным языком – основных положений "старших славянофилов". Начиная с магистерской диссертации В. С. Соловьева хорошим тоном считается критика внутренней ущербности западной философии. То же самое мы видим и у А. Л. Казина: от Сократа-Платона до Р. Декарта, И. Канта и Г. Гегеля на Западе сформировалась антропоцентрическая парадигма философствования, где человеческое самосознание – исток и последняя тайна сущего. Это перешло затем в "клиническую стадию" самообожествления человека у К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда и М. Хайдеггера. В постмодернизме, наконец, это заканчивается "смертями" Бога, человека и автора.

Нашей же характерной ментальной особенностью стало то, что "рефлексивной философии трансцендентального типа в России не было. И это объясняется одним простым фактом: философствовать о Боге, вообще говоря, кощунственно. Бог не может быть предметом логического анализа, он не является вообще интенциональным предметом, потому что не я Его держу, а Он меня держит... Вот это интуитивное сознание невозможности (недостойности) судить о Боге логическими средствами – это и есть... основной принцип русской философии. Это принцип верующего разума" [20]. Истина – не логическое суждение, а состояние мыслящего духа, потому она недоступна отдельному сознанию, а лишь совокупности сознаний, объединенных любовью (соборностью).

А. Л. Казин входит в редакционный совет "журнала православной интеллигенции" под названием "Трибуна Русской мысли", членом редколлегии которого также был последние три года до своей смерти и другой видный отечественный мыслитель, доктор философских наук А. С. Панарин (1940 – 2003). Он продолжил развитие славянофильской и евразийской историософской традиции в своей известной работе "Православная цивилизация в глобальном мире" (2002), введение к которой и было позиционировано как программное в 15 выпуске журнала.

Его концепция и характеризуется "родовыми" свойствами отмеченной традиции: фиксация на исключительности (славянской, православной), упрощенные схемы мифотворческого характера и, конечно, мессианизм России.

Наша конфессионально-цивилизационная идеократическая идентичность – "православный народ" – "хра-

нитель и защитник великой святоотеческой традиции, представленной не русскими, а святыми греческими именами – Иоанном Златоустом, Василием Великим, Григорием Богословом". Она "основана на привязанности к священному идеалу – тексту и на аскезе, ... больше других тяготеет к "монотекстуальности" (пронизанности всех практик единым центральным смыслом), ее процедуры подведения действительности под нормативный текст требуют значительно большего внутреннего напряжения в силу изначальной дистанцированности ортодоксального греко-православного текста от эмпирической реальности, которая связана с ранней гибелью материнской цивилизации – Византии" [21]. Россия также – "крушитель" универсалистских идеологов: от "кочевнической" до "коммунистической" и "либеральной".

С легкостью и уверенностью рождаются довольно спекулятивные обобщения и метафоры:

– Андрей Боголюбский, перенес столицу на север (из Киева), во Владимир, выполнял Моисееву роль, осознав несоответствие устроения народа стоящим перед ним державным задачам;

– "территориальный проект Петра I имел мобилизационно-аскетический замысел – новой суровой школы для расслабившегося народа";

– а "социалистический (затем коммунистический) интернационал все явственнее обретал черты эзотерического союза касты кшатриев, кочующей по миру в поисках "слабого звена", пригодного для военно-революционного штурма" [21].

Вполне понятно, что именно российской православной цивилизации уготована мессианская роль: "нового синтеза формационной и цивилизационной парадигм – общечеловеческий прорыв в будущее не на основе культурного разрушения и обезличивания, а с сохранением культурно-цивилизационного многообразия человечества", о котором заявляли еще славянофилы и евразийцы [21].

Следует ожидать, что "православных имманентистов" на самом деле довольно много, особенно в обеих столицах, однако существует известная трудность в их отслеживании, тем более что многие из них не дружат с Интернетом.

Довольно заметны контекстуалистские философы, считающие важным для своих концепций экзистенциалистский компонент и соответствующую манеру выражения.

Выделяется в ряду человековедческих учений современной отечественной философии концепция "синергийной антропологии" доктора физико-математических наук С. С. Хоружего (1941 г. р.). Она зарождалась еще в советское время, начиная с середины 70-х гг. Также критически он отнесся и к модернизму "русской религиозной философии" начала XX в. Однако, в отличие от Н. П. Ильина, С. Хоружий удачно принял философскую профессиональную инициацию и стал органичным членом философских академических организаций. Он оказался весьма деятельным и энергичным человеком, смог успешно институализировать свой авторский религиозно-философский проект – в виде Института синергийной антропологии при Институте философии РАН и Центра синергийной антропологии, учрежденного на началах партнерства с Высшей школой экономики [22].

С. Хоружий позиционирует свое учение как "научную модель, которая существенно учитывает религиоз-

ный и, более всего, христианский опыт" [23]. Однако его основные категории явно относимы к самой что ни на есть отвлеченной метафизике религиозного профиля, представляя собой модернизированные переописания неоплатонистских понятий: Иное (божественное Единое), размыкание (трансцензус), синергия (интеллектуальный экстаз). Вместо мысленного движения самоконцентрации отдельного сознания к слиянию с Богом у Плотина, здесь предлагается полу-натуралистический, полу-метафизический термин "энергия", который у него "до сих пор не поддается философской концептуализации". Сюда же добавлены и переописанные автором экзистенциалистские понятия: пограничная ситуация стала "предельным опытом" и "антропологической границей".

Ирония ситуации в том, что родовые признаки философской мысли Серебряного века (русской религиозной философии начала XX в.), которые справедливо выявляет С. Хоружий – синтетизм и синкретизм, постоянное лавирование между философией и богословием, понятийный строй, более отвечающий западной метафизике, нежели духовной традиции и восточно-христианскому дискурсу [24], – также точно уместны и при характеристике его собственных построений. Кратко и афористично об этом сказал другой фигурант нашего повествования, Ф. Гиренок: "он взял Хайдеггера, его язык, добавил к нему исихастские слова, взболтал все, вот и получилась антропология границы" [25].

Экзистенциалистский вариант понимания русской православной философии мы можем встретить и в Воронеже, у доктора философских наук, профессора Воронежского госуниверситета В. В. Варавы (1967 г. р.). На выработку своей концепции он вышел через философско-танатологические исследования, которые естественным образом порождают пристальный интерес к проблемам свободы, бытия и смерти. Явно чувствуется влияние Н. А. Бердяева и М. Хайдеггера.

В. Варавы называет свою концепцию скорее "философским чувствованием", что органично укладывается в его литературно-эссеистическую манеру выражения. От Н. А. Бердяева (если продолжим генеалогию, то – и от "Ареопагитик", Якова Беме) заимствуется идея о Неведомом (Ungrund), которое равно противостоит и человеку, и Богу. Человек собственно и нужен Богу в качестве помощника-философа в познании этого самого Неведомого-Ungrund, ибо философия и вопрошает (выпытывает, испытывает, выведывает) бытие, принципиально непонятное в некоей своей части.

Соответственно, "промысливание Божьих путей человека на путях его внебожественной свободы" – основная тема философии как таковой и русской философии в частности. Как религиозный философ он уделяет большое внимание условиям и формам общения человека и Бога. Человек, обладая неподконтрольной Богу свободой (а la Н. Н. Бердяев), может отвернуться от Бога, что плохо само по себе и порождает атеистически ориентированную философию. Однако гораздо страшнее, если Бог отворачивается от человека. Богооставленность и порождает страшное состояние "покорженности" бытия. "Бытие надломано, бытие больно, болезнь бытия, есть зло, страдание, смерть. Вот это больное бытие и составляет самый главный аспект отечественной философии, где изначальное понимание бытия наталкивается на на-

циональную аксиологию, которая воспринимает бытие как болезненное бытие... Вот эта русская невыразимая тоска, глубь, отчаяние, боль, неразрешимая ни на началах науки, до конца не разрешимая и на путях религии, приводит человека вот к этому драматическому зависанию между землей и небом" [26].

"Экзистенциальную культурологию" доктора филологических наук Г. Гачева (1929 – 2008) можно смело отнести к контекстуалистской части интеллектуального спектра отечественных мыслителей. Правда вот с православием туговато, вообще отсутствует впечатление о его каких-либо религиозных предпочтениях. Г. Гачев – яркий пример автора "дисциплинарной антропологии", когда не профессиональный философ, а специалист в другой области знания, в нашем случае – литературоведении, культурологии, – создает оригинальное учение. "Я мифологизирую, – говорит Г. Гачев, – я примыкаю к этой традиции "экзистенциально-художественного философствования", ...в этом особенность моего мышления – философское толкование простых вещей" [27].

В эпицентре его философского внимания – "национальная образность", а именно свойство каждого народа особым образом видеть мир и сотворять вещи таким образом, который не свойственен другим. "Подобно тому, как человек есть троичное единство: тело, душа, дух (ум) – так и каждая национальная целостность представляет собой космо-психо-логос... т. е. единство местной природы (космос), национального характера (психея) и склада мышления (логос). Эти три уровня находятся в соответствии, но в отношении соответствия дополнительности друг друга... Природа есть мистическая субстанция, "природина" ... природа и родина, мать – земля своему народу. История – это супружеская жизнь народа и "природины". Культура – чадородие их брака. Природа – это текст, скрижаль завета, которую данный народ призван прочитать, понять и реализовать в ходе

истории. В этой драме является новый актер – труд, который является создателем культуры на этой земле. Труд работает и в соответствии с природой, и в то же время дополняет то, чего не дано стране от природы" [27].

Душа русского человека – это "светер" (свет + ветер в одном слове), легкая, нараспашку. "Он сын, а под ним водоземля, мать-сыра земля. Так что в русском человеке недостает огненности. По существу, у стихии огня есть две ипостаси – жар и свет. В русском человеке свет – ипостась огня. А есть огневода – водка, которая тоже окормляет энергетикой" [27].

Итак, рапсоды традиции, отечественные мыслители контекстуалистского направления – представляют собой действительно самобытный творческий сектор нашего интеллектуального сообщества. Взгляды некоторых из них сложились еще в советское время (А. Дугин, С. Хоружий, Г. Гачев), творчество других актуализировалось в уже новом российском обществе. Можно спорить по авторским квалификациям и классификациям – "консервативные революционеры", "православные имманентисты" и т. п., однако несомненны их яркая оригинальность и внутренняя уверенность в себе и своих взглядах, которые производны от их напряженной рефлексии, душевного соприкосновения со своим жизненным контекстом, "почвой", менталитетом своего народа. Можно также недоумевать, раздражаться по поводу нерациональности их историософских спекуляций, пафоса и метафоричности, однако трудно отказать им в репрезентативности и аутентичности воспроизведения некоторых значимых особенностей нашей душевности и строя бытия (быта). Они – тот необходимый, исконный элемент философствования в России, без которого невозможно появление в будущем полноценной русской философии, которая, конечно же, должна быть и продолжением эстафет предшествующих "философских народов".

Литература

1. Розов Н. С. Русская философия в поворотах истории: фатальна ли периферийность? // Философия и общество. 2016. № 3. С. 96 – 115.
2. Простаков С. "Кружок Головина" изобрел русский традиционализм в 1970-е годы // Русская планета: интернет-портал. 02.02.2014. Режим доступа: <http://rusplt.ru/sub/books/traditsionalizm-7799.html> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Дугин А. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с. Режим доступа: http://books.4pt.su/sites/default/files/pdf/archeomodern_layout_1.pdf (дата обращения: 06.11.2016).
4. Савченкова Н. М. Воин блеска // Anthropology: Web-кафедра философской антропологии. 07.01.2006. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/savchenkova-nm/voin-bleska> (дата обращения: 07.11.2016).
5. Крусанов П. Legionеры Незримой империи. Предисловие к публикации архива Петербургских фундаменталистов // Культпросвет. 14.01.2014. Режим доступа: http://www.kultpro.ru/item_67/ (дата обращения: 09.11.2016).
6. Большев А. О. Постмодернистский империализм петербургских фундаменталистов (к вопросу о роли эклектики в современной русской культуре) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 2. С. 47 – 56.
7. Секацкий А. К. Выступление после доклада В. К. Кантора "Империя как путь России к европеизации" // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 12 марта 2010 г. Режим доступа: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/kantor.php> (дата обращения: 14.11.2016).
8. Александр Секацкий о власти над миром. Форум дискуссионного клуба филологического факультета СПбГУ. Режим доступа: <http://wap.newruslit.borda.ru/?1-2-0-00000025-000-0-0> (дата обращения: 14.11.2016).
9. Федор Иванович Гиренок. Режим доступа: <http://fedorgirenok.narod.ru/> (дата обращения: 19.11.2016).
10. Иовлев Б. В. Выступление после доклада Ф. Гиренка "Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними" // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 21 января 2011 г. Режим доступа: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (дата обращения: 19.11.2016).

11. Гиренок Ф. И. Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 21 января 2011 г. Режим доступа: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (дата обращения: 19.11.2016).
12. Гиренок Ф. И. "Офилософить» нельзя только учебники по философии...". Беседовал А. Нилюгов // Русский журнал. 17.03.2008. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Ofilosofit-nel-zya-tol-ko-uchebniki-po-filosofii> (дата обращения: 19.11.2016).
13. Гиренок Ф. И. Почему не любят русскую философию? // Русский журнал. 28.02.2006. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Pochemu-ne-lyubyat-russkuyu-filosofiyu> (дата обращения: 19.11.2016).
14. Гиренок Ф. И. Эйдос русской империи // Русский журнал. 20.10.2005. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Ejdos-russkoj-imperii> (дата обращения: 19.11.2016).
15. Гиренок Федор // Русский журнал. Режим доступа: <http://www.russ.ru/avtory/Girenok-Fedor> (дата обращения: 20.11.2016).
16. Русское самосознание: философско-исторический журнал; издание Русского Философского общества им. Н. Н. Страхова. Режим доступа: <http://russamos.narod.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).
17. Презентация книги Бориса Георгиевича Дверницкого "Русский человек: Размышления православного националиста" (СПб., 2008) // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 14 ноября 2008 г. Режим доступа: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/dvernitskii.php> (дата обращения: 20.11.2016).
18. Ильин Н. Ложь 'под трели Соловьева'. Русский национализм и Александр Исаакович Солженицын // Русское самосознание. 2001. № 8. Режим доступа: <http://russamos.narod.ru/08-01.htm>
19. Ильин Н. Коса на камень. О понимании коллективизма и эгоизма // Русское самосознание. 2001. № 8. Режим доступа: <http://russamos.narod.ru/08-03.htm>
20. Казин А. Л. Основной вопрос русской философии // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 21 октября 2007 г. Режим доступа: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/main_question.php (дата обращения: 25.11.2016).
21. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. Введение // Трибуна русской мысли. 2014. № 15. Режим доступа: http://www.cisdf.org/TRM/TRM15/panarin_15.html
22. Хоружий С. С. Синергичная антропология: вехи развития // Человек.RU. 2007. № 3(3). С. 13 – 19. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3611
23. Хоружий С. С. Современная антропологическая ситуация в свете синергичной антропологии // Актуальные проблемы современности сквозь призму философии. Великий Новгород, 2007. Вып. 1. С. 9 – 20. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=3602
24. Хоружий С. С. Синергичная антропология в контексте русской религиозной философии // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 21 декабря 2007 г. Режим доступа: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/horuzhy_synerg_athrop.php
25. Гиренок Ф. И. Из ответов на вопросы по докладу "Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними" // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 21 января 2011 г. Режим доступа: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (дата обращения: 19.11.2016).
26. Варавва В. В. Языки русской философии // Русская мысль: историко-методологический семинар в РХГА. 3 апреля 2009 г. Режим доступа: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/varava.php> (дата обращения: 26.11.2016).
27. Гачев Г. Национальные образы мира: лекция // Полит.ру. 17.05.2007. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 28.11.2016).

PHILOSOPHICAL VIEWS OF MODERN SLAVOPHILS

Vladimir I. Krasikov^{1, @, *}

¹ All-Russian State University of Justice, build. 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

@ KrasVladIv@gmail.com

Received 12.12.2016.

Accepted 28.03.2017.

Keywords: Slavophilism, conservative revolutionaries, Orthodox immanentists, existentialists of tradition, historiosophy, Russian mentality, archeomodern, archeoavant-gard, synergetic anthropology, existential cultural studies.

* *The article was prepared with the financial support and within the framework of the grant of the RHDF, project no. 15-03-00087.*

Abstract: This article has the Russian philosophical community as its object of study. Within the community there are some thinkers and groups that declare their identity as orientation to the native culture and national mentality features. As a concrete object of research the author considers the history of the emergence of these thinkers and groups in post-Soviet Russia, the formation of their institutions and history of relations with other intelligence groups. The author examines in detail the aspects of such topics as historical roots of these new emerging traditions, their representation in the academic and educational institutions, and especially the theoretical platform of their leaders.

The research methodology is based on an approach under which the structure network of relationship between intellectuals determines valid intellectual attention space, which is structured into several competing products.

The main results of the study can be considered as follows. Firstly, the author presented a description of the history and theoretical features of three intelligent approaches: conservative revolutionaries, Orthodox immanentists and existentialists of tradition. Secondly, the author has given the characteristic stylistic features of self-expression, historical and philosophical roots and the historic-philosophical concepts of the main representatives of the traditionalists. Finally, the article discusses the features of the vicissitudes of their communication with other members of the Russian intellectual community.

For citation: Krasikov V. I. Filosofskie vozzreniia sovremennykh slavianofilov [Philosophical Views of Modern Slavophiles]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2017): 71 – 81. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2017-2-71-81.

References

1. Rozov N. S. Russkaia filosofiiia v povorotakh istorii: fatal'na li periferiinost'? [Russian Philosophy at Historical Threshholds: Whether Periphery is Fatal?]. *Filosofiiia i obshchestvo = Philosophy and Society*, no. 3 (2016): 96 – 115.
2. Prostakov S. "Kruzhok Golovina" izobrel russkii traditsionalizm v 1970-e gody ["Golovin's circle" invented Russian traditionalism in the 1970s]. *Russkaia planeta = The Russian Planet*, 02.02.2014. Available at: <http://rusplt.ru/sub/books/traditsionalizm-7799.html> (accessed 02.11.2016).
3. Dugin A. *Archeomodern* [Archeomodern]. Moscow: Arktogeia, 2011, 142. Available at: http://books.4pt.su/sites/default/files/pdf/archeomodern_layout_1.pdf (accessed 06.11.2016).
4. Savchenkova N. M. Voin bleska [Warrior Shine]. *Anthropology*, 07.01.2006. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/avchenkova-nm/voin-bleska> (accessed 07.11.2016).
5. Krusanov P. Legionery Nezrimoi imperii. Predislovie k publikatsii arkhiva Peterburgskikh fundamentalistov [Legionaries of the Invisible Empire. Preface to the publication of the archives of the St. Petersburg fundamentalists]. *Kul'tprosvet = Cultural enlightenment*, 14.01.2014. Available at: http://www.kultpro.ru/item_67/ (accessed 09.11.2016).
6. Bol'shev A. O. Postmodernistskii imperializm peterburgskikh fundamentalistov (k voprosu o roli eklektiki v sovremennoi russkoi kul'ture) [Postmodernity Imperialism of Petersburg Fundamentalists (to the Question about the Role of Eclecticism in Contemporary Russian Culture)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1, no. 2 (2015): 47 – 56.
7. Sekatskii A. K. Vystuplenie posle doklada V. K. Kantora "Imperiia kak put' Rossii k evropeizatsii" [Speech after V. Kantor's report "The Empire as Russia's way to Europeanization"]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. March 12, 2010. Available at: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/kantor.php> (accessed 14.11.2016).
8. Aleksandr Sekatskii o vlasti nad mirom. Forum diskussionnogo kluba filologicheskogo fakul'teta SPbGU [Alexander Secatsky on power over the world. Forum of the Discussion Club of the Philological Faculty of St. Petersburg State University]. Available at: <http://wap.newruslit.borda.ru/?1-2-0-00000025-000-0-0> (accessed 14.11.2016).
9. Fedor Ivanovich Girenok [Fedor Ivanovich Girenok]. Available at: <http://fedorgirenok.narod.ru/> (accessed 19.11.2016).
10. Iovlev B. V. Vystuplenie posle doklada F. Girenka "Kto my? O russkom i sovetskom diskursakh i razryve mezhdu nimi" [Speech after F. Girenok's report "Who are we? About Russian and Soviet discourses and the gap between them"]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at

the Russian Academy of Civil Defense]. January 21, 2011. Available at: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (accessed 19.11.2016).

11. Girenok F. I. Kto my? O russkom i sovetskom diskursakh i razryve mezhdru nimi [Who are we? On Russian and Soviet discourses and the gap between them]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. January 21, 2011. Available at: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (accessed 19.11.2016).

12. Girenok F. I. "Ofilosofit'» nel'zia tol'ko uchebniki po filosofii...". Besedoval A. Nilogov ["Ophilosophy" can not only textbooks on philosophy ... ". Interviewed by Nilogov A.]. *Russkii zhurnal = Russian Journal*, 17.03.2008. Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Ofilosofit-nel-zya-tol-ko-uchebniki-po-filosofii> (accessed 19.11.2016).

13. Girenok F. I. Pochemu ne liubiat russkuiu filosofiiu? [Why do not they like Russian philosophy?]. *Russkii zhurnal = Russian Journal*, 28.02.2006. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Pochemu-ne-lyubvat-russkuyu-filosofiyu> (accessed 19.11.2016).

14. Girenok F. I. Eidos russkoi imperii [Eidos of the Russian Empire]. *Russkii zhurnal = Russian Journal*, 20.10.2005. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Ejdos-russkoj-imperii> (accessed 19.11.2016).

15. *Girenok Fedor* [Girenok Fedor]. Available at: <http://www.russ.ru/avtory/Girenok-Fedor> (accessed 20.11.2016).

16. *Russkoe samosoznanie = Russian identity*. Available at: <http://russamos.narod.ru/> (accessed 20.11.2016).

17. Prezentatsiia knigi Borisa Georgievicha Dvernitskogo "Russkii chelovek: Razmyshleniia pravoslavnogo natsionalista" (SPb., 2008) [Presentation of the book by Boris Georgievich Dvernitsky "The Russian Man: Reflections of the Orthodox Nationalist" (Saint-Petersburg, 2008)]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. November 14, 2008. Available at: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/dvernitskii.php> (accessed 20.11.2016).

18. Il'in N. Lozh' 'pod treli Solov'eva'. Russkii natsionalizm i Aleksandr Isaakovich Solzhenitsyn [Lies 'under Trilov Solovyov'. Russian nationalism and Alexander Isaakovich Solzhenitsyn]. *Russkoe samosoznanie = Russian identity*, no. 8 (2001). Available at: <http://russamos.narod.ru/08-01.htm>

19. Il'in N. Kosa na kamen'. O ponimani kolektivizma i egoizma [Spit on the stone. On the understanding of collectivism and selfishness]. *Russkoe samosoznanie = Russian identity*, no. 8 (2001). Available at: <http://russamos.narod.ru/08-03.htm>

20. Kazin A. L. Osnovnoi vopros russkoi filosofii [The main question of Russian philosophy]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. October 21, 2007. Available at: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/main_question.php (accessed 25.11.2016).

21. Panarin A. S. Pravoslavnaia tsivilizatsiia v global'nom mire. Vvedenie [Orthodox civilization in the global world. Introduction]. *Tribuna russkoi mysli = Tribune of Russian thought*, no. 15 (2014). Available at: http://www.cisdf.org/TRM/TRM15/panarin_15.html

22. Khoruzhii S. S. Sinergiinaia antropologiiia: vekhi razvitiia [Synergetic Anthropology: Milestones of Development]. *Chelovek.RU = The person.RU*, no. 3(3) (2007): 13 – 19. Available at: http://synergia-isa.ru/?page_id=3611

23. Khoruzhii S. S. Sovremennaia antropologicheskaiia situatsiia v svete sinergiinoi antropologii [Modern anthropological situation in the light of synergistic anthropology]. *Aktual'nye problemy sovremennosti skvoz' prizmu filosofii* [Actual problems of our time through the prism of philosophy]. *Velikii Novgorod*, Iss. 1 (2007): 9 – 20. Available at: http://synergia-isa.ru/?page_id=3602

24. Khoruzhii S. S. Sinergiinaia antropologiiia v kontekste russkoi religioznoi filosofii [Synergetic Anthropology in the Context of Russian Religious Philosophy]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. December 21, 2007. Available at: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/horuzhy_synerg_athrop.php

25. Girenok F. I. Iz otvetov na voprosy po dokladu "Kto my? O russkom i sovetskom diskursakh i razryve mezhdru nimi" [From the answers to questions on the report "Who are we? About Russian and Soviet discourses and the gap between them"]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. January 21, 2011. Available at: http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php (accessed 19.11.2016).

26. Varava V. V. Iazyki russkoi filosofii [Languages of Russian philosophy]. *Russkaia mysl': istoriko-metodologicheskii seminar v RKhGA* [Russian thought: a historical and methodological seminar at the Russian Academy of Civil Defense]. April 3, 2009. Available at: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/varava.php> (accessed 26.11.2016).

27. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. *Polit.ru = Polit.ru*, 17.05.2007. Available at: <http://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (accessed 28.11.2016).